

УДК 947.06(470.621)

ББК 63.3 (2 Ады)

Ч-91

Чунтыжева Рима Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет», т.: 8(960)4999252

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ЭМИССАРОВ ШАМИЛЯ
В ЧЕРКЕСИИ В 40-Е ГГ. XIX В.
(рецензирована)**

В статье рассматривается преобразовательная деятельность эмиссаров Шамиля – Хаджи-Магомеда и Сулеймана-эфенди, осуществлявшаяся в Черкесии в 40-е гг. XIX в., направленная на консолидацию адыгов в освободительной войне против России, утверждение шариата и идей мюридизма среди адыгов, а также создание централизованной системы управления. Анализируется эффективность предпринятых в этом направлении мер и степень влияния внешнего воздействия на процессы общественного переустройства адыгов. Выявляются причины несостоятельности созданного первыми эмиссарами Шамиля механизма управления.

Ключевые слова: Черкесия, адыги, Бесленей Аббат, эмиссары Шамиля – Хаджи-Магомед и Сулейман-эфенди, государственность, единовластие, общественное управление, мюридизм, мегкеме, муртазеки, муфтии, кадии.

Chuntyzheva Rima Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, an associate Professor of the Department of History and Law of the Faculty of Information Systems in Economics and Jurisprudence, FSBEI HE “Maikop State Technological University”, t.: 8 (960) 4999252.

**ACTIVITY OF SHAMIL’S FIRST EMISSARIES IN CHERKESIA IN 1940s
(reviewed)**

The article deals with the transformative activity of Shamil-Hadji-Maghomed and Suleiman-Effendi Emissaries, which was carried out in Cherkesia in 1940s aimed at the consolidation of the Adyghs in the liberation war against Russia, adoption of Sharia and ideas of Muridism among the Adyghs, and creation of a centralized system of government. The effectiveness of measures taken in this direction and the degree of external influence on the processes of public reconstruction of the Adygs are analyzed. The reasons for the failure of the management mechanism created by the first emissaries of Shamil are revealed.

Key words: Cherkesia, the Adyghs, Besleney Abbat, emissaries of Shamil-Hadji-Magomed and Suleiman-efendi, statehood, autocracy, public administration, muridism, megekeme, Murtazeks, mufti, cadia.

На протяжении тысячелетий история является болевой точкой общественного самосознания. Каждое новое поколение, остро реагируя на происходящие в социуме перемены, стремится понять суть, истоки, основные тенденции исторического процесса. В

переломные моменты эволюционного процесса, обращение общества к своему прошлому придает особый гуманистический смысл историческим явлениям, становясь едва ли не важнейшим фактором национально-культурного возрождения, укрепления самих основ государственности.

Главной предпосылкой в этом направлении являются не только доступность исследовательских каналов и привычная ученым жажда новизны, но и необычайно возросший интерес самого народа к своей истории и традициям. Стремление охватить и осмыслить узловые моменты исторического процесса, новая трактовка исторических фактов, быстро устаревающие концепции, мотивируют общественный интерес к поиску новых обобщений и резюмирующих выводов.

На данном этапе в отечественной историографии сложилась благодатная ситуация, когда не только ведущие ученые страны, но и местные историки получили возможность ознакомиться с малоизвестной дореволюционной отечественной и зарубежной литературой разных школ и направлений. Предсказуемым стало стремление расширить исследовательские границы по всем направлениям – не только магистральным, но и по пути познания малоизученной истории [1].

В этом контексте, немалый интерес представляют аспекты исторического процесса адыгов, прошедших путь от патриархальных органов управления до централизованной власти в начале 60-х гг. XIX в.

В противовес отлаженному управленческому механизму России, опирающемуся на новые военные технологии, адыги, не имевшие государственности, в ходе освободительной борьбы, продемонстрировали всему миру необычайный образец организации и систему ценностей, позволившие отстаивать свою независимость в течение века. В короткое время адыги, под влиянием внутренних и внешних факторов создают эффективную организацию общественного регулирования.

В этой связи представляется вполне обоснованным обратиться к перипетиям общественного управления у адыгов в первой половине XIX в., и попытаться определить степень и характер влияния извне на процессы внутренней реорганизации адыгов.

В 40-е гг. XIX века в общественной жизни адыгов происходят изменения, связанные с преобразовательной деятельностью эмиссаров Шамиля – Хаджи-Магомеда и Сулеймана-эфенди. Немаловажно, что данные реформаторские усилия были предприняты на подготовленной, благодатной почве, ибо идея общественной реорганизации у адыгов наличествовала еще в 30-е гг. XIX в. [2].

Одним из первых ее вдохновителей в Черкесии являлся видный представитель адыгской знати – Бесленей Аббат, выдвигавший проект реформ, предусматривавших превращение народного собрания в постоянный орган власти, наделенный полномочиями и средствами для приведения в исполнение своих решений: предлагалось создание регулярного войска на содержании народа и разделение территории на административные единицы [3].

Характер представляемой Бесленей Аббатов реформы, сама перспектива ее реализации, свидетельствовали об определенном уровне общественно-политической культуры адыгов, безусловно имевшей собственный потенциал, способный стать платформой для последующих преобразований. При жизни Аббата его преобразования не были осуществлены, но со временем в адыгской среде все более настоятельно

проявлялась потребность в обновлении общественного управления [4].

Деятельность Бесленей Аббата явилась ярким доказательством, опровергавшим состоятельность идеи привнесения в сознание адыгов мыслей о внутреннем переустройстве. Совершенно очевидно, что роль первых политических устроителей Черкесии, принадлежала самим адыгам, в то время, как прибывавшие с известной миссией эмиссары Шамиля явились только катализаторами процессов, уже заложенных в обществе.

Важнейшей задачей эмиссаров Шамиля являлась консолидация сил для успешной национально-освободительной борьбы и совместных наступательных действий в условиях войны с Россией. Осуществление поставленных целей планировалось путем стягивания всех черкесских и магометанских народов воедино, не исключая использования силы в случае сопротивления [5].

Предпринимая преобразования, эмиссары опирались на реальный управленческий опыт народов Восточного Кавказа. Первоначально, народ воспринял действия и идеологию проповедников с абсолютной доверчивостью. Немаловажно, что отзывчивость адыгов во многом объяснялась активизацией наступательной политики царизма, объективно толкая воюющий народ к поиску новых путей консолидации. Исключительно на этой почве в Черкесии особое звучание приобретают мюридистские лозунги. Происходит ужесточение принципов общественной организации: строго преследовались все, кто отрицал ислам либо недостаточно усердно исполнял его предписания [6].

На данном этапе религия, считавшая войну с «неверными» священным долгом каждого верующего, отвечала чаяниям народа, определенно, способствуя усилению консолидационных тенденций в обществе. В этом смысле, шариат выступал значительно эффективнее адата, ибо в адыгском обществе не было иных более действенных рычагов, способных под другим, не религиозным началом объединить борьбу адыгов с Россией. Так, религиозный фактор приобретает определенную роль в формировании национального самосознания у адыгов.

Постепенное упрочение позиций ислама в адыгской среде способствовало достижению общности по вере, формированию понятий «свой» и «чужой», содействуя, таким образом, складыванию ментальных условий объединения. Представление, что есть другие, отличные от «своих», порождало у адыгов, как и у других народов, потребность самоопределиваться, осознать себя составной частью целого, национальной общности [7]. Естественным путем, на уровне психологии, в обществе формировалось ощущение напряженности перед конкретным носителем угрозы, в данном случае, «неверными». Соизмерение этой угрозы, безусловно, влекло усиление градуса патриотических настроений у адыгов.

Вместе с тем, важно отметить, что устойчивость традиционных институтов в Черкесии создавала определенные сложности в процессе исламизации адыгского общества – здесь не придерживались неукоснительного соблюдения всех предписаний ислама. В большинстве своем адыги воспринимали эти идеи не столько по религиозному убеждению, сколько из необходимости в объединении с целью наиболее эффективного сопротивления российскому оружию. В критический момент адыгской истории, когда со всей остротой встал вопрос о независимости Черкесии, народ поднялся на защиту своей земли под исламскими лозунгами [8].

Влияние мюридизма проявлялось еще и в том, что он восстанавливал примитивно-демократическую организацию адыгов, а также объединял народ в борьбе против местной феодальной знати. Возвращавший адыгов к старой общественной структуре мюридизм, в этом смысле был понятен им по духу и представлениям о формах организации. Закономерно, что ислам, укреплявший свои позиции в плоскости этих явлений, органично вписывался в процессы, способствовавшие консолидации общества [9].

Известно, что первым посланником Шамиля на Западном Кавказе был Хаджи-Магомед [10]. Деятельность наиба была направлена на внедрение в систему управления адыгов государственного начала. Прежде всего, отработывался механизм обеспечения в обществе правопорядка: было организовано войско из муртазек (военная стража или ополчение), для содержания которого вводились налоги. Опыт формирования вооруженных отрядов был известен адыгам и ранее, потому не был воспринят как новшество, нарушавшее привычный образ жизни.

Интерес представляет тот факт, что первые же шаги эмиссаров по укреплению нового режима вызвали серьезные опасения в ставке российского военного командования. Беспокойство генералитета по поводу предприимчивых действий Хаджи-Магомеда основывалось на еще свежих воспоминаниях о резонансе, произведенном в народе формированиями муртазек. На этом фоне не могли не вызывать тревогу и возможные последствия связанные с перспективой успешного «приживления» в систему общественного управления у адыгов более четких форм организации.

Вводимые наибом армия и налоги, в общепринятом понимании, отражали в системе управления адыгов наличие признаков формирующейся государственности. В то же время, нельзя не учитывать, что Хаджи-Магомед стремился привнести эти атрибуты извне, как и саму идею государственности. Налоги, как и административное деление, будучи инородными в общественной парадигме адыгов, воспринимались как нечто чуждое традиционному укладу общества, что не могло не препятствовать упрочению новой власти. В результате, попытка Хаджи-Маго-мед ввести налоги и постоянное ополчение оказалась малоуспешной [11].

Организация муртазек становится состоятельной только во второй половине 40-х гг. XIX в, когда необходимость в регулярных войсках обострялась нараставшей угрозой со стороны царской России, а также усилением значимости в обществе народных собраний, нуждавшихся в военной поддержке [12].

Предлагаемая первым эмиссаром Шамиля конструкция теократического государства, накладываясь на общественное управление, основанное на принципах коллегиальности, наталкивалось, таким образом, на неизбежное сопротивление. Значимым препятствием для осуществления преобразований являлось отсутствие у адыгов и устойчивой религиозной традиции. Многоплановая религиозная палитра нарушала прочность тех общественных механизмов, незыблемость которых в Чечне и Дагестане основывалась на религиозном фанатизме и авторитете духовных лидеров. Так, реализации замыслов переустройства Черкесии препятствовала, кроме прочих объективных причин сама общественная психология с присущим ей духом свободы и независимости.

Восприятие привносимых Хаджи-Магомедом новшеств осложнялось и характером социальной политики, приводившей первоначально к углублению интеграционных

процессов в обществе. Одним из средств достижения единства в обществе представлялось уравнивание в правах различных сословий. По духовному мусульманскому обычаю, через призму которого осуществлялись преобразования, все мусульмане считались равными, что в корне подрывало представления о сословиях и, соответственно, не встречало поддержки со стороны знати.

Подобно Шамилю, Хаджи-Магомед, попытался расширить социальную опору освободительного движения путем освобождения зависимых сословий. Намереваясь организовать бедняков в военную силу, он рассчитывал, обеспечив им средства к существованию, тем самым, привязать их коренными интересами и личной преданностью. То есть, происходило укрепление общественных институтов, основанных на военной силе [13].

Хаджи-Магомед фактически продолжил дело, начатое общественным переворотом конца XVIII в., поддерживая и направляя свободных общинников на борьбу против представителей «старого» феодализма – князей и урков. В этом контексте, в качестве социальной опоры новой власти рассматривалось и духовенство. Пользуясь уважением и влиянием в обществе, оно, взяло на себя в свое время, роль идеологической «обслуги» общественного переворота [14].

Высшие черкесские сословия отнеслись крайне враждебно к нововведениям Хаджи-Магомеда, ибо утрата их прав на зависимые сословия и рабов была чревата абсолютным подрывом тех оснований, на которых держалось благосостояние многочисленных черкесских князей и дворян [15].

В социальной политике Хаджи-Магомеда наиболее рельефно проявлялось двойное значение осуществлявшихся мероприятий: с одной стороны, они активизировали объединительные процессы, с другой, препятствовали им, наталкиваясь на различные интересы в обществе. Ошибка наива заключалась в том, что он не сумел учесть в своей политике специфику традиционного уклада адыгских обществ и господствовавших в их внутреннем быте взаимоотношений между сословиями. Последствия этого несоответствия были достаточно очевидными.

Не обосновательно военное командование России выражало сомнение, что в условиях острых сословных противоречий у адыгов, достижение единства между ними будет сколько-нибудь возможным [16]. Будучи не в состоянии оценить реального положения вещей в Черкесии, ревностный последователь Шамиля, Хаджи-Магомед, так и не смог стать проводником объективно взвешенной политики у адыгов.

Попытку объединения адыгов на основе мусульманских лозунгов продолжил прибывший к адыгам в 1844 г. Сулейман-Эфенди. Отмечается, что он был смелее, энергичнее и решительнее, чем его предшественник. Было организовано ополчение из муртазеков и мегкемс, где суд осуществлялся по Корану.

Известно, что у адыгов обычное право, как и у многих народов, предшествовало писаному закону. Отсутствие такового в общественном регулировании сводилось к соблюдению древних обычаев, передаваемых из рода в род. Внедрение в судебную систему Корана являлось для адыгов существенным шагом в сторону упрочения органов государственной власти. Право приобретает фиксированный характер, что, несомненно, усиливало соответствие главного источника законности у адыгов нормам цивилизованных государственных институтов.

Продолжая начатые у адыгов преобразования, Сулейману-Эфенди, пришлось решать задачи более сложные. Наряду с прежним насаждением в обществе шариата и мюридизма ему было поручено создать ополчение из черкесов с целью поддержки Шамиля. В связи с этим полномочия муртазеев расширились: их функции заключались не только в охране, но в ведении военных действий на территории противника.

Проблема организации ополчения для содействия Шамилю традиционно обсуждалась адыгами на собраниях, в ходе которых возникли разногласия. Большинство, за исключением абадзехов, сочло крайне рискованным отправлять лучшие части к Шамилю, ослабляя, тем самым, собственную оборону в условиях, участившихся походов российских войск [17].

В первое время Сулейману-Эфенди удалось добиться определенного успеха в поддержке Шамиля, однако, основная задача по сбору ополчения выполнена не была. Объективно, причиной тому служило ряд факторов. Прежде всего, это разногласия внутри адыгского общества мешавшие объединению в борьбе за независимость всех воюющих потоков. Вместе с тем, серьезным препятствием служили контрмеры, обеспечиваемые в противовес освободительным силам царскими властями.

Срыву планов по организации ополчения в Черкесии в значительной степени содействовало отрицание Сулейманом-Эфенди адата и особенностей сословной политики адыгов, оттолкнув от него различные слои населения. Проповедуемое им вероучение предписывало концентрацию власти в его руках, что противоречило независимому духу адыгов.

Мюридизм был несовместим с традиционными общественными институтами в Черкесии – здесь «обычай был сильнее ислама» [18]. Сложность исламизации, чрезвычайно выраженное личностное начало в ущерб общей идее, препятствовали превращению мюридизма в идеологию, способную «спаять» адыгов в рамках теократического государства, как это произошло под предводительством Шамиля в Дагестане и Чечне. В общественной культуре адыгов отсутствовали представления о единовластном вожде, что послужило одной из ключевых причин неприятия черкесами идеологии и практики, привносимой извне.

Таким образом, эмиссарам Шамиля так и не удалось до конца выполнить поставленных задач. С трудом достигаемое единство не было устойчивым, поскольку оказывалось в зависимости от корыстных интересов, противоборствующих в адыгском обществе групп. Эфемерность создаваемых объединений во многом обуславливалась отсутствием четкого механизма власти у адыгов, способного обеспечить соподчиненность структур внутри системы.

Несмотря на неудачную миссию Хаджи-Магомеда и Сулеймана-Эфенди, присутствие их среди черкесов не прошло бесследно. Адыги усвоили основные идеи учения Шамиля – объединение народа на равноправных началах и создание централизованной организации для расширения фронта освободительной борьбы.

Литература:

1. Шеуджен Э.А. Местная история: теоретические проблемы // Вопросы теории и методологии истории. Вып. 2. Майкоп, 1997. С. 5-6.
2. Соколов Д. Хаджи-Магомет – сподвижник Шамиля // Кубанский вестник. Т. 11.

Екатеринодар, 1904. С. 53.

3. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т. 28, №16. С. 517.

4. Аверкиев И.С. С Северо-Восточного побережья Черного моря // Кавказ. 1866. №74. С. 339.

5. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21, отд. 2. С. 140.

6. РГВИА. Ф. 13454 .Оп. 6. Д. 100, 882, 884.

7. Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. Москва, 1998. С. 16.

8. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 гг. // АБКИЕА. С. 922.

9. Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. 1951. №9. С. 76.

10. ГАКК. Кубанский сборник. Т. 10. 1904. С. 59.

11. Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т.28, №16. С. 543.

12. Чунтыжева Р.В. Общественное управление адыгов Северо-Западного Кавказа (20-начало 60-х гг. XIX века). Майкоп, 2010. С. 75-76.

13. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 363 с.

14. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2-х томах. Екатеринодар, 1910-1913. 1625 с.

15. Хавжого Ш.М. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 317 с.

16. АКАК. Т. 10. Тифлис, 1885. С. 672.

17. ГАКК. Ф. 261. ОП.1. Д. 1041. Л. 18, 22.

18. Фадеев А.В. Указатель сочинений С. 97.

Literature:

1. Sheudzhen E.A. *Local history: theoretical problems // Questions of theory and methodology of history. Issue 2. Maikop, 1997. P. 5-6.*

2. Sokolov D. *Hadji-Mohammed - an associate of Shamil // Kuban bulletin. V. 11. Ekaterinodar, 1904. P. 53.*

3. Karlhof N. *On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the north-eastern coast of the Black Sea // The Russian bulletin. 1860. V. 28, No. 16. P. 517.*

4. Averkiev I.S. *From the North-Eastern coast of the Black Sea // Caucasus. 1866. № 74. P. 339.*

5. Stal K.F. *Ethnographic essay of the Circassian people // Caucasian collection. 1900. Vol. 21, dep. 2. P. 140.*

6. RSMHA. F. 13454. Op. 6. D. 100, 882, 884.

7. Mnatsakanyan M.O. *Ethnosociology: nations, national psychology and interethnic conflicts. Moscow, 1998. P. 16.*

8. Bell J. *Diary of a stay in Circassia during the years of 1837, 1838 and 1839// АВКЕУА. P. 922.*

9. Fadeev A.V. *Muridism as an instrument of the aggressive policy of Turkey and England in the North Caucasus in the XIX century // Questions of history. 1951. №9. P. 76.*
10. SAKT. *The Kuban collection. V. 10. 1904. P. 59.*
11. Karlhof N. *On the political structure of the Circassian tribes inhabiting the north-eastern coast of the Black Sea // Russian bulletin. 1860. T.28, No. 16. P. 543.*
12. Chuntzheva R.V. *Public Administration of the Adyghs of the North-Western Caucasus (20-s - early 60-s of the XIX century). Maikop, 2010. P. 75-76.*
13. Khan-Girey. *Notes on Circassia. Nalchik: Elbrus, 1978. 363 p.*
14. Shcherbina F.A. *History of the Kuban Cossack army: in 2 volumes. Ekaterinodar, 1910-1913. 1625 p.*
15. Khavzhoko Sh.M. *Heroes and emperors in Circassian history. Nalchik: El-Fa, 1994. 317 p.*
16. AKAK. V. 10. *Tiflis, 1885. P. 672.*
17. SAKT. F. 261. *OP.1. 1041. L. 18, 22.*
18. Fadeev A.V. *Index of works C. 97.*